

НЕУСТОЙЧИВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: КОНТУРЫ УТОПИИ

В.А. Гуторов¹

Цитирование: Гуторов В.А. Неустойчивая ответственность: контуры утопии // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 176–195.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.7>

Аннотация. *Цель статьи — выделить и обсудить ряд теоретических и методологических проблем, обозначенные в работе И.С. Семененко «Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению». Она, безусловно, имеет программный характер и является первым опытом, связанным с интерпретацией концепта ответственности в отечественной политологии. В современном мировом гуманитарном дискурсе изучение проблем ответственности (responsibility) отличается крайним многообразием и явно тяготеет к междисциплинарности: этические, философские и антропологические вопросы тесно переплетаются с различными аспектами политологического и социологического анализа. Поэтому вполне следовало ожидать появления трудов, в которых теоретически разработанная модель ответственности будет положена в основу интерпретации проблем современного глобального развития. Работа И.С. Семененко, имеющая параллели с политизированной утопической версией академической эсхатологии, представленной в книге Ф. Фукуямы «Конец истории» (1992), обращает на себя внимание прежде всего тем, что в ней весьма отчетливо проступают характерные черты сциентистской аксиоматики, свойственной тому типу абстрактного конструирования утопического пространства, который наиболее полно отразился в творчестве А. де Сен-Симона, весьма изобретательно использовавшего идеи социальной инженерии «Утопии» Т. Мора и «Города Солнца» Т. Кампанеллы. Речь идет именно об идеале будущего, поскольку, обрисовав его общие контуры, автор в конце своей работы прямо утверждает: «Ответственное развитие не стоит сегодня в политической повестке дня. Это открытая возможность, возможная конструктивная альтернатива негативной динамике современных общественных отно-*

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 19-011-31066 «Символическая политика в современной России: глобальные риски, гражданская идентичность и векторы исторической памяти».

шений». Явное отсутствие интереса автора к различным теориям ответственности и ее оценкам в этическом и эпистемологическом плане позволяет предположить, что она предпочитает формулировать свое понимание этого концепта в чисто прагматическом плане. В статье акцентируется внимание на противоречии между теоретической позицией И.С. Семененко, связанной с описанием североευропейской модели «общества благосостояния» и критическим анализом этой модели теоретиками Бирмингемской школы критического анализа, наиболее ярким примером которого является знаменитый Килбернский манифест (2013). Аналогичные противоречия обнаруживаются и в анализе автором различных аспектов деятельности интеллектуалов в плане их перспективной роли гаранта ответственного развития.

Ключевые слова: ответственное развитие, сциентистская аксиоматика, утопизм, устойчивое развитие, этика, политика, модернизация, критический анализ, социальная динамика, интеллектуалы.

В современном гуманитарном дискурсе изучение проблем, связанных с интерпретацией концепта ответственности, отличается крайним многообразием и явно тяготеет к междисциплинарности: этические, философские и антропологические вопросы тесно переплетаются с различными аспектами политологического и социологического анализа (см., например: [Reflections... 2017; Ackerly 2018; Social Dimensions... 2018; Kershner 2018; Tholen 2018; Dierksmeier 2019; Kellison 2019; Wyatt 2019]). Поэтому вполне следовало ожидать появления трудов, в которых теоретически разработанная модель ответственности будет положена в основу интерпретации проблем современного глобального развития. Насколько нам известно, статья И.С. Семененко «Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению» [Семененко 2019] — первый опыт такого рода в отечественной политологии.

Неожиданной особенностью статьи является полное отсутствие в ней характеристики многообразной зарубежной литературы, посвященной анализу ответственности в концептуальном и любом другом аспекте. И.С. Семененко даже не упоминает имен своих предшественников в разработке социально-политических аспектов ответственности, хотя они, безусловно, имеются. Например, в опубликованной в 2017 г. работе «Этика, смысл и рыночное общество» Л. Жолнай отмечает: «Еще в 1940 г. Карл Полаanyi предупреждал, что рынки имеют тенденцию господствовать над другими сферами общественной жизни и стимули-

руют формирование “рыночного общества”. После Второй мировой войны гиперэкспансия рынка получила новые стимулы и стала в последние 40–45 лет всеобъемлющей. Глобализация, приватизация, вездесущность финансов, новые условия, характерные для позднего модерна / современного капитализма, создают препятствия для *устойчивого, социально ответственного, то есть подлинно этического поведения* (курсив мой. — В.Г.) экономических акторов в окружающем их мире. Институциональная система и соответствующий ей мир ценностей делает этическое поведение фактически невозможным или в лучшем случае спорадическим» [Zsolnai 2017: 3].

Способ аргументации, представленный в статье Семененко, свидетельствует, что она разделяет идеи Жолнай лишь частично. Автор явно не желает вступать в теоретические споры с кем-либо, поскольку ее аргументация развивается совсем в ином направлении: работа обращает на себя внимание прежде всего тем, что в ней весьма отчетливо проступают характерные черты сциентистской аксиоматики, свойственной тому типу абстрактного конструирования утопического пространства, который наиболее полно отразился в творчестве А. де Сен-Симона, весьма изобретательно использовавшего идеи социальной инженерии «Утопии» Т. Мора и «Города Солнца» Т. Кампанеллы. На наш взгляд, Семененко далеко не случайно подчеркивает в начале статьи, что в ней «предлагается такое видение будущего, где есть место не столько масштабным идеям или классическим “большим” идеологиям, в основном оставшимся в политической истории XX в., сколько *технологиям и инструментам социальной инженерии*» [Семененко 2019: 12].

Общая интенция статьи, безусловно, имеет параллели с политизированной утопической версией академической эсхатологии, представленной в книге Ф. Фукуямы «Конец истории» (1992), и его известной формулой, согласно которой либеральная демократия является «конечным пунктом идеологической эволюции» и «финальной формой человеческого правления», тем самым обозначая «конец истории» [Fukuyama 1992: XI]. Дело даже не в том, что автор охотно цитирует самого Фукуяму [Семененко 2019: 14]. Речь идет прежде всего о самом материальном субстрате, который лежит в основе ее теории *ответственного развития* и рассматривается в качестве своеобразного гаранта ее реалистичности. Таковым объявляются преимущественно благополучные страны Северной Европы, в том числе скандинавские, экономика и политическая система которых формировались на основе знаменитой социал-демо-

кратической концепции «третьего пути», восходящей к социалистическим дискуссиям 1920–1930-х годов. Опыт государств, лишенных преимуществ экономики *welfare state*, включая современную Россию и другие посткоммунистические страны, остается за пределами авторского анализа.

В целом концепция Семененко выстраивается на основе довольно простой дихотомии — *ответственное развитие / безответственное развитие*. При этом в плане дефиниций на передний план выдвигается позитивный идеал, связанный с надеждами, которые возлагаются на «ответственный» тип эволюции человечества. *Ответственное развитие* определяется как «потенциальный общий знаменатель, задающий принципы взаимодействия всех субъектов, вовлеченных в принятие стратегических решений и их реализацию», «система координат, в которой можно продвигаться при решении ключевых социальных проблем на разных уровнях организации социума». Оно предполагает «стратегическое видение приоритетов развития сообщества и индивида — члена такого сообщества — и управленческие практики, способные обеспечивать реализацию стратегических целей», «наращивание и приоритетное использование в качестве источников развития интеллектуальных, возобновляемых ресурсов и опору на нематериальные стимулы жизнедеятельности человека», «утверждение нравственной мотивации развития на путях взаимодействия в публичной сфере вокруг общей повестки дня носителей разных идей и идентичностей». И наконец, «ключевым основанием ответственного развития является расширение возможностей участия граждан в формировании и поддержании дружественной для реализации индивидуальных творческих устремлений социальной среды. Ведущую роль в этом процессе играют институты социализации, в первую очередь образование» [Семененко 2019: 15–16].

Речь идет именно об *идеале будущего*, поскольку, обрисовав его общие контуры, автор в конце своей работы прямо утверждает: «Ответственное развитие *не стоит сегодня в политической повестке дня* (курсив мой. — В.Г.). Это открытая возможность, возможная конструктивная альтернатива негативной динамике современных общественных отношений» [Семененко 2019: 22].

«Негативная динамика» располагается в статье на втором месте: только перечислив основные позитивные элементы, связанные с концептом ответственности, автор обращается к объяснению причин, побудивших к формулированию обозначенной выше дихотомии:

«Сегодня вектор динамики общественных отношений на всех уровнях — от местного до глобального, мирполитического — задает **дилемма ответственного / безответственного развития**. Повсеместные проявления безответственного развития — это та реальность, которая ведет к исчерпанию ресурсов, к появлению новых форм варварства и конфликтов, в том числе и под флагом борьбы за идентичность. Яркие свидетельства — безудержное раздувание “мыльных пузырей” в финансовой сфере, беспрецедентный рост долговых обязательств крупнейших игроков на глобальном и внутреннем рынках. Безответственное развитие может иметь самые разные проявления — от искусственного стимулирования материальных потребностей людей и потребления, сопровождающегося хищнической эксплуатацией природных ресурсов и экологическими бедствиями, до бездумного использования технологий клонирования. В этом ряду стоят и технологии манипулирования массовым сознанием, механизмы продвижения “постправды”, практики троллинга и “кражи идентичности”» [Семененко 2019: 18–19].

Разумеется, И.С. Семененко не может на отдавать себе отчета в том, что все перечисленные ею элементы развития — как позитивного, так и негативного типа — уже воспроизводились в отечественной и зарубежной научной литературе и политической публицистике *бесчисленное количество раз*. Поэтому, если судить по содержанию, основная цель ее статьи вряд ли заключается в том, чтобы обосновать новые подходы к анализу противоречий неоиндустриализма и посткапитализма или выявить в историческом и сравнительном плане преимущество формулы *ответственного развития* перед большим количеством аналогичных предшествующих и современных идей и концепций. Складывается впечатление, что основная ее задача — во что бы то ни стало закрепить в общественном сознании именно сформулированную автором дихотомию, невзирая на возможную критику. Ведь достаточно раскрыть любую серьезную историческую монографию, чтобы обнаружить определенное сходство авторского образа «ответственного будущего», равно как и имеющуюся в статье критику «безответственного поведения» финансовых воротил, раздувающих «мыльные пузыри», уже с ранними критическими инвективами сен-симонистов в адрес буржуа, финансистов, а также их проектами «нового индустриального общества», в основе которого, как уже отмечалось, лежит идея социальной инженерии (см.: [Crossley 1993: 105–138; Iggers 1970]).

О большом количестве аналогичных современных теорий социального развития в глобальном его измерении говорить уже не приходится. В любой их них — от компромиссной версии теории модернизации, разработанной Р. Инглхартом и его соавтрами, до теории рефлексивной модернизации У. Бека и А. Гидденса (см.: [Inglehart, Welzel 2005; Beck 2000; Giddens 2000]), от концепции демократии О. Хёффе до альтернативного антиглобалистского проекта Р.М. Унгера [Höffe 2007; Unger 2005] — мы найдем немало гораздо более изощренных методов анализа современного общества. Увлеченная своим исходным замыслом, автор, по-видимому, не ставила перед собой задачу обосновать принцип ответственности в этическом, философском и методологическом плане (см.: [Moore 2009]). В структуру авторской аргументации не включены, например, выводы многочисленных исследований в рамках междисциплинарного направления *integrity studies* (анализ принципов и параметров целостности личности и общества), в которых концепт ответственности анализируется на методологическом и философском уровнях. Девизом данного направления вполне может считаться афористичный тезис Кр.М. Корсгаард: «Мы ответственны за наши действия не потому, что они являются нашими продуктами, но потому, что они — это мы, потому что мы — это то, что мы делаем» ([Korsgaard 2009: 130]; см. также: [Korsgaard 2009: 13, 20–24, 100–103, 108, 129–131, 159–160, 174–175]; ср.: [Hartman, DesJardins, MacDonald 2007; Rose 2014; Integrity 2018]). Явное отсутствие интереса автора к различным теориям ответственности и ее оценкам в этическом и эпистемологическом плане (см., например: [Peels 2017: 16 sq.] ср.: [Moore 2009]) позволяет предположить, что она предпочитает формулировать свое понимание этого концепта в чисто прагматическом плане, т.е. в процессе анализа отдельных сюжетов, примеров и т.д. Об этом, например, свидетельствует и довольно беглое перечисление всем известных «социальных практик», «построенных на принципах ответственного гражданского участия и диалога в северных странах — членах ЕС (Дания, Швеция и Финляндия)» — корректировка пенсионного возраста в Дании, «воспитание стрессоустойчивости учащихся в рамках образовательных программ», наделение муниципалитетов «широкими полномочиями в социальной сфере» и т.п. [Семененко 2019: 17–18].

Сам факт, что ни одна из обозначенных выше теорий даже не упомянута в статье, является, на наш взгляд, лишним подтверждением сформулированной выше гипотезы относительно истинных намерений

автора. То же самое можно заметить и в отношении теории устойчивого развития. По мысли автора, несостоятельность этой научной модели заключается в том, в ее рамках невозможно решить проблему сращения корпоративных интересов бизнеса и управленческой бюрократии, отторгающей «логику ответственности за рост глобальных угроз развитию» [Семененко 2019: 21–22]. Сама по себе эта мысль является спорной, особенно учитывая неопределенность самой перспективы реализации разработанной автором модели. Поэтому стремление И.С. Семененко подчеркнуть рост «критического отношения к модели устойчивого развития» [Семененко 2019: 22], нельзя считать полностью оправданным, учитывая не только огромное количество выходящих за рубежом статей, монографий и материалов многочисленных международных конференций, но и быстро растущую тенденцию к научному синтезу концептов ответственности и устойчивости в рамках одной синтетической модели. Но об этом ниже.

Возникает естественный вопрос — чем обусловлено столь открытое невнимание автора статьи к предшествующим влиятельным теориям мирового развития, многие из которых легко могут даже теперь рассматриваться в качестве альтернативных по отношению к теории ответственного развития? На наш взгляд, ответ лежит на поверхности: утопический идеал позитивного *ответственного будущего* настолько доминирует в тексте И.С. Семененко, что любые угрожающие ему *факторы безответственности*, даже будучи ясно осознаваемыми, тем не менее, спонтанно вытесняются на периферию анализа. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие каких-либо конкретных исторических и политических фактов в авторском описании *безответственного развития*. Автор практически не использует даже тех ресурсов социальный критики, на которые в ее статье имеются ссылки. Речь идет в первую очередь о Бирмингемской школе критического анализа [Семененко 2019: 13], второй руководитель которой — Стюарт Холл, уроженец о. Ямайка — как никто другой подходит на роль современного Рафаила Гитлодея, столь ярко бичевавшего в «Утопии» социальные язвы и нравы в Англии на рубеже XV–XVI вв. (см.: [More 2003: 14–21]). Знаменитый Килбернский манифест, в котором были глубоко проанализированы последствия глобального финансового кризиса 2007–2008 гг., «тяжесть преодоления которого была непропорционально переложена на трудящихся, особо уязвимые и маргинализированные группы» [After Neoliberalism 2015: 10], стал его политическим завещанием. Анализ

этого манифеста в статье Семененко отсутствует и, может быть, не случайно: в отличие от ее ориентации на североевропейскую модель *welfare state* как основы *ответственного развития*, Стюарт Холл и другие авторы манифеста выражают неприкрытый скепсис в отношении самой возможности «возвращения к уже испробованным средствам послевоенных структур государства благосостояния» [After Neoliberalism 2015: 22]. Стюарт Холл и его соратники постоянно возвращают нас к реалиям мировой повседневности — гибридным войнам и полномасштабным военным конфликтам, угрозе ядерной катастрофы, засилью глобальной бюрократии, кризису образования, развитию манипулятивных технологий и созданию на национальном и мировом уровне гигантских пропагандистских машин с целью оболванивания населения и, наконец, очередной волне «переселения народов», захлестывающей Западную Европу. В наши дни даже в некоторых столицах стран Северной Европы, которые автор статьи рассматривает как относительно спокойный анклав, в котором могут беспрепятственно развиваться ростки *ответственного развития*, способствуя «поддержанию биоразнообразия» [Семененко 2019: 18], переселенцы с Юга и Востока уже требуют провозглашения «суверенитета» и введения законов шариата в плотно заселенных ими кварталах. Если потоки мигрантов и далее будут нарастать, то вскоре, возможно, нам останется только утешать себя позаимствованными у О. Шпенглера следующими меланхолическими рассуждениями: «Все ставшее преходяще. Преходящи не только народы, языки, расы, культуры. Через несколько столетий не будет уже никакой западноевропейской культуры, никаких немцев, англичан, французов, как во времена Юстиниана уже не было никаких римлян» [Spengler 2003: 216] и т.п.

Остается еще один важный момент — роль интеллектуалов в обществе и степень их ответственности за политику, проводимую современными элитами. В связи с той немалой ответственностью, которую И.С. Семененко возлагает на этот слой, призванный стать чуть ли не главным мотором осуществления ее собственного плана миропорядка и развития, этот вопрос так или иначе придется обсудить.

Вероятно, по причине того, что разработанный в статье проект — дело далеко не ближайшего будущего, «поиски» мотивированного на продвижение парадигмы *ответственного развития* коллективного субъекта или субъектов» [Семененко 2019: 21] осуществляются автором предельно осторожно с элементом некой неопределенности. Надежды

возлагаются то на бизнес, который «может действовать как “ответственный гражданин”» [Семененко 2019: 21], то на «гражданскую идентичность», «носителем которой традиционно является интеллигенция как мыслящее и социально активное сообщество» [Семененко 2019: 22]. При этом автор вполне целенаправленно и довольно необычно противопоставляет интеллигенцию и интеллектуалов: если первая выступает в роли «носителя» гражданской идентичности, то последние — идентичности «профессиональной» [Семененко 2019: 22]. Автор сразу спешит добавить, что «эти идентичности могут тесно переплетаться в индивидуальном опыте» [Семененко 2019: 22], но «классификационный осадок» все же остается в виде неминуемого вопроса: а на чем же, собственно, основано такое противопоставление? Из спонтанных дальнейших пояснений в целом возникает следующая картина: интеллигенция представляется автору в образе предельно обширного и довольно аморфного слоя, который потенциально связан с «гражданской идентичностью» не то «по определению», не то по конкретному признаку «гражданского участия». Интеллектуалы-профессионалы — люди, занятые «в сфере науки, образования, культуры, социальной работы», к которым также причисляются «гражданские и религиозные активисты», становятся «носителями гражданской идентичности» не сразу, но постепенно приобщаются к ней «в условиях роста глобальной нестабильности» и в прогнозируемом автором ближайшем будущем способны вместе с интеллигенцией образовать более или менее гомогенную структуру «интеллектуальных сообществ», от которых «могут исходить импульсы, направленные на пересмотр нынешних моделей “развития без роста” и “роста без развития”» [Семененко 2019: 22].

Выражая надежду на то, что осуществленная нами реконструкция авторской «базовой классификации» произведена вполне корректно, следует отметить, что она плохо вписывается в современные научные и философские дискуссии. О том, что И.С. Семененко явно не стремится принять в них активное участие, свидетельствует отсутствие в библиографии ее статьи сколько-нибудь авторитетных работ, посвященных проблеме места и роли интеллектуалов в политике. Тем самым она предельно нивелирует в теоретическом плане и «поиск мотивированного субъекта ответственного развития». О причинах подобной позиции судить трудно, но она, безусловно, связана с резко пессимистическими нотами, внезапно прозвучавшими в финале ее работы [Семененко 2019: 23].

В этой связи следует отметить, что автор в своем пессимизме далеко не одинока: элементы подобного настроения присутствуют практически во всех спорах об интеллектуалах и в них постоянно возникают контрастные характеристики и дихотомии, довольно близкие к авторской дилемме между *ответственностью* и *безответственностью*. Истоки современной дискуссии восходят к знаменитой книге Алвина Гоулднера «Будущее интеллектуалов и восхождение нового класса» (1979), в которой он констатировал тенденцию формирования нового социоэкономического порядка и появление «нового класса, состоящего из интеллектуалов и технической интеллигенции (не одно и то же), который вступил в борьбу с группой из промышленников и партийных лидеров, уже установившей в обществе контроль над экономикой» [Gouldner 1979: 1]. С того времени ситуация значительно изменилась. «Характерный момент в спорах об интеллектуалах, — отмечает А. Санду, — отсутствие у них склонности обращаться к государству и власти. Почти перманентное беспокойство относительно выживания интеллектуала и его способности осуществлять полезную социальную роль — лишнее подтверждение того, как мало внимания обращается на то, что именно интеллектуалы должны решать. Речь идет прежде всего о предположительно случайном или естественном разделении интеллектуальной активности и *ответственности* (курсив мой. — В.Г.) внутри общества, которые, в свою очередь, объясняют характер распределения культурных ресурсов и доступа к этим ресурсам внутри общества» [Sandhu 2007: 8].

Общая тенденция дискуссии свидетельствует о том, что вместо идеи корпоративной борьбы за власть Гоулднера на передний план выдвигается индивидуалистский тип интеллектуала, расщепляющийся между образами бунтаря-одиночки и индивида, по собственному выбору представляющего определенные интересы в сфере публичной политики. Например, категорически отрицая существование «приватных» и «публичных» интеллектуалов в качестве отдельных типов, Эдвард Саид в начале 1990-х годов сформулировал собственное видение интеллектуала: «Интеллектуал как представительная фигура, сама по себе имеющая значение, — это тот, кто воочию представляет точку зрения определенного рода, кто отчетливо представляет его или ее взгляды, несмотря на любые препятствия. Мой аргумент заключается в том, что интеллектуалы являются индивидами, имеющими призвание к искусству репрезентации, будь то речь, письмо, обучение, появление на теле-

экранах. И это призвание является важным до тех пор, пока оно признается публично и связано как с приверженностью, так и с риском, смелостью и ранимостью» [Said 1994: 12–13]

Из приведенных выше определений следует, что для понимания позиций современных интеллектуалов одной категории ответственности, вероятно, будет недостаточно, поскольку постоянно возникают сомнения в том, *перед кем именно они будут считать себя ответственными*. Если речь идет о сложных и противоречивых связях представителей интеллектуальной элиты с сильными мира сего, то ответственность так или иначе будет переплетаться с лояльностью. Естественно, последняя категория неприменима в том случае, когда современные интеллектуалы демонстрируют стремление выражать и защищать интересы управляемых или «угнетенных» (см., например: [Bailey, Clarke, Walton 2011: 73–93]).

Такая амбивалентная ситуация подробно охарактеризована в работах Пьера Бурдьё. Французский социолог рассматривал интеллектуалов как «культурную аристократию», стремящуюся оберегать свои титулы культурного нобилитета — свою власть и привилегии — посредством развития идеологии “отличия”. Они представляют собой... “подчиненную фракцию” господствующего класса, выступая в роли подвластных в своих отношениях с теми, кто держит в своих руках экономическую и политическую власть, и все же занимая место внутри господствующего класса. В рамках занимаемой ими ситуативной позиции непредсказуемого равновесия, любые симпатии, которые они могут испытывать по отношению к угнетенным, будут в лучшем случае хрупкими и неопределенными. Как доказывал Бурдьё, несмотря на свое восстание против тех, кого они называют “буржуа”, “они остаются лояльными буржуазному порядку, как это можно наблюдать во все кризисные периоды, когда их специфический капитал и их положение внутри социального порядка действительно подвергаются угрозе”» ([Intellectuals... 1993: 8]; см. также: [Judt 2007; Chomsky 2017: passim]).

Правота научной позиции Бурдьё полностью подтверждается и весьма специфическим характером политического поведения интеллектуалов в посткоммунистических странах. В статье И.С. Семененко ситуация в этом регионе не анализируется в теоретическом плане, вероятно, потому что посткоммунистические процессы плохо вписываются в ее теорию. Роль, которую играла в них интеллигенция практически на всех этапах политических трансформаций, прекрасно анализируется в кни-

ге П. Кинга и И. Селеньи «Теории нового класса: интеллектуалы и власть» и сделанные ими выводы в отношении ответственности интеллектуалов — амбивалентной и непредсказуемой — оптимистичными никак не назовешь, хотя бы потому, что первый этап «бархатных революций» был тесно связан с феноменом, который ученые называют «интеллектуализация бюрократии» [King, Szelényi 2004: XXXI].

Однако в контексте анализируемой статьи нам представляются крайне важными и другие выводы Кинга и Селеньи относительно посткоммунистического феномена, обозначенного в их работе как «неосоциалистические реальные утопии»: «Само их существование показывает, что конец Советского Союза не предполагает конец социалистической идеи. После первоначального шока социалистические интеллектуалы начали развивать новые концепции социалистического проекта, на этот раз формируя их как “утопические” <...> Эти утопии часто принимают форму современного капиталистического общества, именуемого предшествующим поколением социалистов стадией, которую социализм превзошел. Что наиболее важно, некоторые из этих утопий не только принимают рынки в качестве соответствующего интегративного механизма, но также некоторым образом предполагают, что “свободные рынки” возможны только при социализме, когда монополия на собственность устранена» [King, Szelényi 2004: 220]. Неосоциалистические утопии имели свои аналоги в неолиберальных теориях «третьего пути» 1980–1990-х годов. Наиболее выдающимся теоретиком данного направления был Э. Гидденс: «...его программа третьего пути может интерпретироваться как неосоциалистическая реальная утопия» [King, Szelényi 2004: 228].

Разумеется, утопическая конструкция, контуры которой обозначены в статье И.С. Семененко, не может быть полностью отнесена к утопиям неосоциалистического типа. Речь идет скорее о типологическом сходстве самого метода конструирования реальности. В структуре посткоммунистического утопического сознания любые модели, когда-то апробированные в западных странах в послевоенный период, — теории «конвергенции» и «нового индустриального общества», «конца идеологии», леворадикальная контр-культура 1960-х годов, идеи «пражской весны», футурологические идеи А. Тоффлера, гуманизм А. Швейцера, теория устойчивого развития и множество других — легко могут моделироваться, образуя бесчисленное количество гибридных форм, научных и идеологических смесей и проектов, которые лишь опосредованно связаны с реальностью.

Концепцию «ответственного развития» Семененко мы склонны ретроспективно рассматривать как одно из многочисленных проявлений данной тенденции. Это связано в первую очередь с тем, что интерпретации многообразных методологических и научных проблем, связанных с теорией и философией *ответственности*, автор предпочитает конструктивистский априоризм, основанный на «стратегии чистого листа». Огромная научная литература, в которой разрабатываются компромиссные проекты на основе слияния концепций устойчивого развития и ответственности, в ее статье никак не представлена и не является предметом анализа. Даже беглый обзор этой литературы позволяет сделать следующий вывод: судя по всему, устойчивое развитие по-прежнему рассматривается многими учеными как теория, обладающая немалым эвристическим потенциалом (см.: [Christie, Warburton 2001: passim]). Именно потому, что она постоянно обновляется, возникают новые компромиссные варианты ее модернизации или стремления ее полностью преодолеть. На данный момент скепсис нашего автора в отношении данной теории представляется несколько преждевременным. Подобно тому, как Платон в конце жизни разработал компромиссный проект «Законов», создав незабываемый образ второго по совершенству государства, в наши дни ряд ученых, специализирующихся в области теории мировой политики, глобального менеджмента, теории корпоративной социальной ответственности (CSR), идут по его пути, создавая компромиссные модели мирового развития на основе синтеза устойчивости и ответственности с соответствующим этическим и философским обоснованием. Эти концепты начинают взаимодействовать в названиях научных работ и разрабатываться в научном плане.

Вполне разделяя позиции ученых — представителей этого направления, мы выражаем надежду, что, возможно, И.С. Семененко когда-нибудь решит к ним присоединиться. Для этой благой цели представляется возможным даже сделать несколько нетрадиционный шаг, который, впрочем, был подсказан самим автором: на стр. 11 статьи в примечаниях ею был опубликован список работ (как посвященных проблемам глобального развития, так и общеполитических), которые в разные годы были переведены на русский язык (см.: [Семененко 2019: 11]). Судя по всему, список предназначается для студентов и начинающих ученых, поскольку автор специально всех нас предупреждает, что предпочитает цитировать эти работы в оригинале [Семененко

2019: 11]. И хотя все книги из приложенного автором списка уже давно включены в программы соответствующих политологических курсов и активно изучаются студентами и аспирантами, как представитель рядовой университетской профессуры, я, конечно, не могу не оценить этот благородный жест в отношении наших подопечных и прилагаю в примечании небольшой список новейших «компромиссных» книг (разумеется, в оригинале!), которые отсутствуют в библиографии статьи и, возможно, когда-нибудь в дальнейшем автору пригодятся. Только ограниченные размеры статьи не позволяют увеличить этот список в разы¹.

¹ *Corporate Social Responsibility and Diversity Management: Theoretical Approaches and Best Practices*. Ed. by Katrin Hansen, Cathrine Seierstad. Cham, Switzerland: Springer. 2017. 288 p.; *Corporate Social Responsibility in Times of Crisis: Practices and Cases from Europe, Africa and the World*. Ed. by Samuel O. Idowu, Stephen Vertigans, Adriana Schiopoiu Burlea. Cham, Switzerland: Springer. 2017. 271 p.; *Corporate Social Responsibility: Academic Insights and Impacts*. Ed. by Stephen Vertigans, Samuel O. Idowu. Cham, Switzerland: Springer. 2017. 244 p.; Robinson-Easley Chr. A. *Leadership for Global Systemic Change: Beyond Ethics and Social Responsibility*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2017. 192 p.; *Current Issues in Corporate Social Responsibility: An International Consideration*. Ed. by Samuel O. Idowu, Catalina Sitnikov, Dalia Simion, Claudiu George Bocean. Cham, Switzerland: Springer. 2018. 262 p.; *Disciplining the Undisciplined?: Perspectives from Business, Society and Politics on Responsible Citizenship, Corporate Social Responsibility and Sustainability*. Ed. by Martin Brueckner, Rochelle Spencer, Megan Paull. Cham, Switzerland: Springer. 2018. 271 p.; *Corporate Responsibility and Digital Communities: An International Perspective towards Sustainability*. Ed. by Georgiana Grigore, Alin Stancu, David McQueen. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2018. 278 p.; *Sustainability and Social Responsibility: Regulation and Reporting*. Ed. by Graham Gal, Orhan Akisik, William Wooldridge. Singapore: Springer. 2018. 525 p.; Turker D. *Managing Social Responsibility: Functional Strategies, Decisions and Practices*. Cham, Switzerland: Springer. 2018. 185 p.; *The Goals of Sustainable Development: Responsibility and Governance*. Ed. by David Crowther, Shahla Seifi, Abdul Moyeen. Singapore: Springer. 2018. 250 p.; *Responsibility and Governance: The Twin Pillars of Sustainability*. Ed. by David Crowther, Shahla Seifi, Tracey Wond Singapore: Springer. 2019. 255 p.; *Corporate Social Responsibility in Brazil: The Future is Now*. Ed. by Christopher Stehr, Nina Dziatzko, Franziska Struve. Cham, Switzerland: Springer. 2019. 418 p.; Meglio O., Park K. *Strategic Decisions and Sustainability Choices: Mergers, Acquisitions and Corporate Social Responsibility from a Global Perspective*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2019. 214 p.

Кто знает, возможно, прилагаемые труды зарубежных специалистов помогут И.С. Семененко усовершенствовать свою теорию и в ближайшем будущем совершить такой же переворот в научном мире, какой в свое время М. Фуко, Ж. Деррида и Ж. Делёз произвели в интеллектуальном мире США. Франсуа Кюссе, рассказавший ученому миру об этой необыкновенной истории, вполне справедливо подчеркивает, что «генеалогия “биополитики” Фуко, комментарии Делёза на наши “поднадзорные общества” и концепция “безусловного гостеприимства” Дерриды, отчеканенные более двадцати лет назад, до сих пор выглядят так, как будто они как раз обращены к нашему положению вещей» [Cusset 2008: XII]. Может быть, и обновленной теории *ответственного развития* будет суждена аналогичная историческая роль. Тем более что в отечественной политологии анализ *ответственности и ответственного поведения* в наши дни является уделом немногих.

Литература

- Семененко И.С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 7–26.
- Ackerly B.A. Just Responsibility: A Human Rights Theory of Global Justice. N.Y.: Oxford University Press, 2018. 291 p.
- After Neoliberalism: The Kilburn Manifesto / ed. by S. Hall, D. Massey, M. Rustin. L.: Lawrence & Wishart, 2015. 223 p.
- Bailey M., Clarke B., Walton J. K. Understanding Richard Hoggart: A Pedagogy of Hope. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. 219 p.
- Beck U. Living Your Own Life in a Runaway World: Individualization, Globalization and Politics // Global Capitalism / ed. by W. Hutton, A. Giddens. N.Y.: The New York Press, 2000. P. 163–173.
- Chomsky N. The Responsibility of Intellectuals. N.Y.: The New Press, 2017. 143 p.
- Christie I., Warburton D. From Here to Sustainability: Politics in the Real World. L.; Sterling VA: Earthscan Publications Ltd., 2001. 223 p.
- Crossley C. French Historians and Romanticism: Thierry, Guizot, the Saint-Simonians, Quinet, Michelet. L.; N.Y.: Routledge, 1993. 287 p.
- Cusset F. French Theory: How Foucault, Derrida, Deleuze & Co. Transformed the Intellectual Life of the United States. L.; Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. 388 p.
- Dierksmeier C. Qualitative Freedom — Autonomy in Cosmopolitan Responsibility. Cham, Switzerland: Springer, 2019. 365 p.
- Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y.; Toronto: The Free Press, 1992. 418 p.

- Giddens A.* The Third Way and Its Critics. Cambridge: Polity Press, 2000. 190 p.
- Gouldner A.W.* The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class: A Frame of Reference, Theses, Conjectures, Arguments, and an Historical Perspective on the Role of Intellectuals and Intelligentsia in the International Class Contest of the Modern Era. L.; Basingstoke: The Macmillan Press Ltd., 1979. 121 p.
- Hartman L., DesJardins J. MacDonald Chr.* Business Ethics: Decision-Making for Personal Integrity & Social Responsibility. N.Y.: McGraw-Hill; Irwin. 2007. 589 p.
- Höffe O.* Democracy in the Age of Globalization. Dordrecht: Springer, 2007. 350 p.
- Iggers G.G.* The Cult of Authority. The Political Philosophy of the Saint-Simonians. Second Edition. The Hague: Martinus Nijhoff. 1970. 214 p.
- Inglehart R., Welzel Chr.* Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 333 p.
- Integrity for Good Governance in Latin America and the Caribbean: From Commitments to Action. Paris: OECD, 2018. 128 p.
- Intellectuals in Twentieth-Century France: Mandarins and Samurai / ed. by J. Jennings. Houndmills, Basingstoke; L.: Palgrave Macmillan, 1993. 233 p.
- Judt T.* The Burden of Responsibility: Blum, Camus, Aron, and the French Twentieth Century. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2007. 196 p.
- Kellison R.* Expanding Responsibility for the Just War: A Feminist Critique. N.Y.: Cambridge University Press, 2019. 256 p.
- Kershnar S.* Total Collapse: The Case against Responsibility and Morality. Cham, Switzerland: Springer, 2018. 193 p.
- King P., Szelényi I.* Theories of the New Class: Intellectuals and Power. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2004. 268 p.
- Moore M.S.* Causation and Responsibility: An Essay in Law, Morals, and Metaphysics. Oxford: Oxford University Press, 2009. 605 p.
- More T.* Utopia. Revised Edition / ed. by G.M. Logan, R.M. Adams. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 134 p.
- Peels R.* Responsible Belief. A Theory in Ethics and Epistemology. N.Y.: Oxford University Press, 2017. 272 p.
- Reflections on Ethics and Responsibility: Essays in Honor of Peter A. French / ed. by Z.J. Goldberg. Cham, Switzerland: Springer, 2017. 252 p.
- Rose J.* The Public Understanding of Political Integrity: The Case for Probity Perceptions. L.: Palgrave Macmillan, 2014. 172 p.
- Said E.* Representations of the Intellectual: The 1993 Reith lectures. N.Y.: Vintage Books, 1994. 121 p.
- Sandhu A.* Intellectuals and the People. L.: Palgrave Macmillan, 2007. 243 p.
- Social Dimensions of Moral Responsibility / ed. by K. Hutchison, C. Mackenzie, M. Oshana. N.Y.: Oxford University Press, 2018. 330 p.
- Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2003. 1247 S.

Tholen B. Virtue and Responsibility in Policy Research and Advice. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. 111 p.

Unger R.M. What Should the Left Propose? L.; N.Y.: Verso, 2005. 179 p.

Wyatt S.J. The Responsibility to Protect and a Cosmopolitan Approach to Human Protection. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 275 p.

Zsolnai L. Ethics, Meaning, and Market Society. N.Y.; L.: Routledge, 2017. 86 p.

THE UNSTABLE RESPONSIBILITY: CONTOURS OF UTOPIA

V. Gutorov¹

Citation: Gutorov V. Neustoychivaya otvetstvennost': kontury utopii [The unstable responsibility: contours of utopia]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2019, 6 (2): 176–195. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.7>

Abstract. *The purpose of the article is to single out and discuss a number of theoretical and methodological problems identified in the work of I.S. Semenenko “Horizons of responsible development: from scientific discourse to political management”. The I.S. Semenenko’s article, of course, has a programmatic nature and is the first experience related to the interpretation of the concept of responsibility in the Russian political science. In today’s global humanitarian discourse, the study of responsibility problems is extremely diverse and clearly tends to be interdisciplinarity: ethical, philosophical and anthropological issues are closely intertwined with various aspects of political and sociological analysis. Therefore, one should have expected the appearance of works in which the theoretically developed “model of responsibility” will be the basis for the interpretation of the problems of modern global development. The work of I.S. Semenenko, having some parallels with the politicized utopian version of “academic eschatology” presented in the book by F. Fukuyama “The End of History” (1992), attracts attention, first of all, by the characteristic features of scientific*

¹ The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute of Social Research, project no. 19-011-31066 “Symbolic politics in modern Russia: global risks, civil identity and vectors of historical memory”.

axiomatics that are very clearly seen. It is related to the type of abstract construction of utopian space, which was most fully reflected in the work of A. de Saint-Simon, who very creatively used the ideas of the “social engineering” of “Utopia” by T. More and the “City of the Sun” by T. Campanella. It discusses precisely the ideal of the future, because, having outlined its general contours, the author at the end of his work directly states: “Responsible development is not on the political agenda today. This is an open opportunity, a possible constructive alternative to the negative dynamics of modern social relations”. The apparent lack of interest of the author in various theories of responsibility and its assessments in ethical and epistemological terms suggests that she prefers to formulate her understanding of this concept in a purely pragmatic sense. The article focuses on the contradictions between the theoretical position of I.S. Semenenko, associated with the description of the North European model of “welfare society” and a critical analysis of this model by the theoreticians of the Birmingham School of Critical Analysis, the most striking example of which is the famous Kilburn Manifesto (2013). Similar contradictions are found in the author’s analysis of various aspects of the activities of intellectuals in terms of their promising role as a warrantor of responsible development.

Keywords: responsible development, scientific axiomatics, utopianism, sustainable development, ethics, politics, modernization, critical analysis, social dynamics, intellectuals.

References

- Ackerly B. A. *Just Responsibility: A Human Rights Theory of Global Justice*. New York: Oxford University Press, 2018. 291 p.
- After Neoliberalism: The Kilburn Manifesto*. Ed. by S. Hall, D. Massey, M. Rustin. London: Lawrence & Wishart, 2015. 223 p.
- Bailey M., Clarke B., Walton J. K. *Understanding Richard Hoggart: A Pedagogy of Hope*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. 219 p.
- Beck U. Living Your Own Life in a Runaway World: Individualization, Globalization and Politics. In: *Global Capitalism*. Ed. by W. Hutton, A. Giddens. New York: The New York Press, 2000, pp. 163–173.
- Chomsky N. *The Responsibility of Intellectuals*. New York: The New Press, 2017. 143 p.
- Christie I., Warburton D. *From Here to Sustainability: Politics in the Real World*. London; Sterling VA: Earthscan Publications Ltd., 2001. 223 p.
- Crossley C. *French Historians and Romanticism: Thierry, Guizot, the Saint-Simonians, Quinet, Michelet*. London; New York: Routledge, 1993. 287 p.
- Cusset F. *French Theory: How Foucault, Derrida, Deleuze, & Co. Transformed the Intellectual Life of the United States*. London; Minneapolis: University of Minnesota Press. 2008. 388 p.
- Dierksmeier C. *Qualitative Freedom — Autonomy in Cosmopolitan Responsibility*. Cham, Switzerland: Springer, 2019. 365 p.

Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York; Toronto: The Free Press, 1992. 418 p.

Giddens A. *The Third Way and Its Critics*. Cambridge: Polity Press, 2000. 190 p.

Gouldner A. W. *The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class: A Frame of Reference, Theses, Conjectures, Arguments, and an Historical Perspective on the Role of Intellectuals and Intelligentsia in the International Class Contest of the Modern Era*. London; Basingstoke: The Macmillan Press Ltd., 1979. 121 p.

Hartman L., DesJardins J. MacDonald Chr. *Business Ethics: Decision-Making for Personal Integrity & Social Responsibility*. New York: McGraw-Hill; Irwin, 2007. 589 p.

Höffe O. *Democracy in the Age of Globalization*. Dordrecht: Springer, 2007. 350 p.

Iggers G. G. *The Cult of Authority. The Political Philosophy of the Saint-Simonians*. Second Edition. The Hague: Martinus Nijhoff, 1970. 214 p.

Inglehart R., Welzel Chr. *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 333 p.

Integrity for Good Governance in Latin America and the Caribbean: From Commitments to Action. Paris: OECD, 2018. 128 p.

Intellectuals in Twentieth-Century France: Mandarins and Samurais. Ed. by J. Jennings. Houndmills, Basingstoke; London: Palgrave Macmillan, 1993. 233 p.

Judt T. *The Burden of Responsibility: Blum, Camus, Aron, and the French Twentieth Century*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2007. 196 p.

Kellison R. *Expanding Responsibility for the Just War: A Feminist Critique*. New York: Cambridge University Press, 2019. 256 p.

Kershner S. *Total Collapse: The Case against Responsibility and Morality*. Cham, Switzerland: Springer, 2018. 193 p.

King P., Szelényi I. *Theories of the New Class: Intellectuals and Power*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2004. 268 p.

Moore M.S. *Causation and Responsibility: An Essay in Law, Morals, and Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 605 p.

More T. *Utopia. Revised Edition*. Ed. by G.M. Logan, R.M. Adams. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 134 p.

Peels R. *Responsible Belief. A Theory in Ethics and Epistemology*. New York: Oxford University Press, 2017. 272 p.

Reflections on Ethics and Responsibility: Essays in Honor of Peter A. French. Ed. by Z.J. Goldberg. Cham, Switzerland: Springer, 2017. 252 p.

Rose J. *The Public Understanding of Political Integrity: The Case for Probity Perceptions*. London: Palgrave Macmillan, 2014. 172 p.

Said E. *Representations of the Intellectual: The 1993 Reith lectures*. New York: Vintage Books, 1994. 212 p.

Sandhu A. *Intellectuals and the People*. London: Palgrave Macmillan, 2007. 243 p.

Semenenko I.S. Gorizonty otvetstvennogo razvitiya: ot nauchnogo diskursa k politicheskomu upravleniyu [Semenenko I.S. 2019. Horizons of Responsible

Development: from Discourse to Governance]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2019, 3, pp. 7–26. (In Russian).

Social Dimensions of Moral Responsibility. Ed. by K. Hutchison, C. Mackenzie, M. Oshana. N New York: Oxford University Press, 2018. 330 p.

Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2003. 1247 S.

Tholen B. *Virtue and Responsibility in Policy Research and Advice*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. 111 p.

Unger R.M. *What Should the Left Propose?* London; New York: Verso, 2005. 179 p.

Wyatt S. J. *The Responsibility to Protect and a Cosmopolitan Approach to Human Protection*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 275 p.

Zsolnai L. *Ethics, Meaning, and Market Society*. New York; London: Routledge, 2017. 86 p.